

[Хозяин, ты должен понимать: хотя ты у меня лишь четвёртый, ты далеко не первый, кто захотел забрать с собой другого человека. Все трое твоих предшественников выдвигали подобные требования. Один из них, узнав об условиях, отказался брать с собой возлюбленного, но всего через два мира решил расстаться со мной. Второй всё же отправился в странствия по мирам вместе со своим возлюбленным, однако дважды подряд оказывался на грани провала, а в третьем мире решил остаться. Мой третий хозяин тоже отказался от этой затеи, а что он потом со мной сделал – ты и сам видел.]

[Системный помощник, я действительно всё обдумал.]

[$\epsilon=(o[*])$) Эх, хозяин, если исходить из моих собственных интересов, я хотел бы сотрудничать с тобой как можно дольше. Прошу, не сердись за мою назойливость, но ты должен знать: отныне, когда бы и в каком мире вы ни оказались, кроме сведений о сюжете, никакой помощи вы не получите. И занимать вам придётся место самого беспомощного и слабого пушечного мяса. Если вновь попадётся мир культиваторов, вы с младшим соучеником будете простыми смертными без духовных корней. В мире диких зверей вы оба станете кроликами или воробьями. Только в мире смертных вы будете обычными людьми без каких-либо привилегий, а то и кем-нибудь похуже – рабами, лишёнными личной свободы. При этом сложность миров будет лишь возрастать.]

Именно поэтому прежние хозяева, всё обдумав, отказывались от своего намерения – или не отказывались, но не могли выдержать до конца. Они оказывались слабейшими из слабых, которым даже встретиться с дитя судьбы было почти невозможно. Как же тогда повлиять на него и спасти мир?

[Если стану смертным, перейду на путь демонической культивации, а если понадобится – убью себя и займусь культивацией призрака. Даже кролик способен забить орла насмерть. В мире смертных все смертны, а происхождение и положение – лишь внешняя мишура.]

[Ладно, хозяин, больше я тебя отговаривать не стану. Единственное, что я могу для вас сделать, – постараться обеспечить вам здоровые тела.]

[Системный помощник, ты хороший помощник.]

[□□□□□А то!]

[Занимайся своими делами, а я пойду найду младшего соученика.]

...」 ┌ ┐ Куда подевался обещанный хладнокровный Князь Демонов?! Нельзя же так терять голову от любви!

- Старший брат, всё в порядке?

Открыв глаза, Гу Цзыцзю сразу увидел Дуань Шаобо. Должно быть, тот забеспокоился и нарочно пришёл к нему.

- Всё в порядке.

Гу Цзыцзю присмотрелся: Дуань Шаобо уже достиг средней ступени золотого ядра.

- Старший брат, не беспокойся. Я помню, что через двадцать три года откроется тайное царство Персикового Цветения, и буду сдерживать рост своей культивации.

На самом деле это уже не имело значения. Гу Цзыцзю решил стать даосским спутником Дуань Шаобо, а когда они «проткнут» последнюю разделяющую их преграду, младшему соученику придётся рассеять культивацию и начать всё заново. Даже с помощью Гу Цзыцзю он не сумеет сформировать зарождающуюся душу всего за двадцать лет.

Но сейчас говорить об этом было ещё рано. Гу Цзыцзю считал, что следует дождаться окончания здешних дел, снова отправиться с Дуань Шаобо в странствия, найти место с прекрасными горами и чистыми водами - и уже там всё ему рассказать.

- Старший брат, не прогуляешься со мной?

- Только что ощутил нечто важное и теперь не можешь усидеть на месте? - с улыбкой спросил Гу Цзыцзю, поднимаясь.

Из-за поднятого им недавно переполоха остальные культиваторы уже покинули пик Рассыпанных Жемчужин, и здесь остались лишь люди секты Меча. Теперь они сидели не такими ровными рядами, а собирались небольшими группами по трое-пятеро. Большинство обсуждало искусство меча, а некоторые достали куколок размером с большой палец и заставляли их сражаться на мечах.

– Да, – отозвался Дуань Шаобо.

Гу Цзыцзю показалось, что в его голосе звучало напряжение.

Неужели у него возникла какая-то трудность в культивации? Гу Цзыцзю сразу стал серьезнее, но тут же подумал: здесь собралось столько старших и ровесников из их секты – почему Дуань Шаобо не обратился к кому-нибудь из них, а непременно пришёл к нему?

Или, возможно, эта мысль приходила ему в голову, но он просто отказывался представлять, что младший соученик, столкнувшись с какой-либо проблемой, пойдёт к кому-то другому, а не к нему. И неважно, что именно случилось.

Они покинули двор и дошли до места, где среди густого леса возвышались древние зелёные кипарисы. Дуань Шаобо очертил энергией меча барьер, отрезавший звуки снаружи и изнутри.

– Младший, если неудобно говорить вслух, можешь передать мне слова мысленно.

Дуань Шаобо посмотрел на Гу Цзыцзю с непонятной горечью во взгляде:

– Старший брат, мне часто кажется, что ты всё делаешь намеренно, но не проходит и мгновения, как ты скажешь что-нибудь ещё – и уже думается, что никакого умысла у тебя не было.

– А? – Гу Цзыцзю смутно начал понимать, к чему тот клонит.

Неужели всё именно так, как он подумал?

– Старший брат, я люблю тебя. согласишься ли ты вступить со мной в парную культивацию и

стать моим даосским спутником?

(ОДо)

Оцепенение...

П-первого признания больше нету! Вместо этого впервые признались ему!

Дуань Шаобо же видел, как после его признания лицо Гу Цзыцзю застыло в нерешительности, а сам он долго не произносил ни слова. Дуань Шаобо, мастер меча, которому давно уже не были страшны ни жара, ни холод, внезапно почувствовал, как леденеют руки и ноги. Его губы дрогнули, и он с самоироничной улыбкой произнёс:

- Прости, что побеспокоил тебя, старший брат. Я пойду.

Он развернулся, собираясь уйти, но едва поднял ногу, как Гу Цзыцзю схватил его за руку. В сердце Дуань Шаобо ещё теплилась надежда, поэтому он не стал сопротивляться и подался вслед за приложенной силой. В следующее мгновение Гу Цзыцзю обнял его за талию, приподнял пальцами подбородок и запечатал его губы своими...

Гу Цзыцзю впервые кого-то целовал. Губы младшего соученика оказались пухлыми и мягкими, а на вкус – сладкими. Гу Цзыцзю долго покусывал и облизывал их, прежде чем вспомнил, что во время поцелуя полагается проникнуть языком внутрь. В тот миг, когда он раздвинул губы младшего соученика, тело Дуань Шаобо в его объятиях вздрогнуло, а из горла вырвался тихий, приятный стон. Ровное, глубокое дыхание культиватора стало сбивчивым и тяжёлым.

Гу Цзыцзю не сразу нашёл язык младшего соученика, однако внутри его рот оказался ещё слаще, чем губы. Впрочем, долго искать не пришлось: язык Дуань Шаобо сам потянулся навстречу. Гу Цзыцзю вспомнилось какое-то молочное лакомство, которым много-много лет назад наставник Ли Биньчэн угощал его на улице, – гладкое, нежное и сладкое. А может, язык младшего соученика был ещё нежнее и слаще...

Гу Цзыцзю и сам не знал, сколько они простояли, слившись воедино, пока Ни Сяоцзинь украдкой не «кольнул» его:

[Цзыцзю, церемония вот-вот начнётся. Вам двоим тоже пора передохнуть.]

Лишь тогда Гу Цзыцзю нехотя отпустил талию младшего соученика, а затем разомкнул их губы.

Дуань Шаобо покачнулся и тут же упал на него. Разумеется, Гу Цзыцзю принял его в объятия.

Дуань Шаобо был почти одного роста с Гу Цзыцзю, поэтому, даже прижавшись друг к другу, он не мог уткнуться ему в грудь. Со стороны их поза больше походила на обычные объятия двух братьев или добрых приятелей. Разве что груди соприкасались слишком тесно, словно они не желали оставлять между собой ни малейшего зазора.

– Ты меня только что напугал. Я собирался после окончания всех дел найти место с прекрасными горами и чистыми водами и там предложить тебе связать со мной судьбу. Кто же знал, что ты заговоришь первым?

Дуань Шаобо положил руки на плечи Гу Цзыцзю и слегка отстранился. Посмотрел ему в глаза, моргнул, а затем вдруг подался вперёд и поцеловал в щёку. Его губы коснулись кожи лишь на миг – словно лицо овеял лёгкий ветерок.

Но на этот раз Гу Цзыцзю снова его поймал. Не за руку – он обхватил его талию обеими руками со спины и положил подбородок ему на плечо.

– Через двадцать три года мы вернёмся из тайного царства Персикового Цветения, и я уйду в затворничество. Когда выйду, то уже должен буду достичь стадии Зарождения души. Тогда мы и вступим в парную культивацию.

Иными словами: «Я знаю, что, лишившись невинности, ты рассеешь свою культивацию. Но ничего страшного – тогда я отдам тебе половину своей».

Дуань Шаобо повернул к нему голову:

– Хорошо.

– Умница.

Гу Цзыцзю потёрся щекой о его щёку.

- Младший, раз я теперь держу тебя, то буду держать всю жизнь. Хоть на небо, хоть под землю
- ты всюду последуешь со мной?

- Если старший брат внезапно не превратится в великого злодея, вознамерившегося уничтожить небеса и землю, то, разумеется, я с тобой не расстанусь.

Этот ответ пробудил любопытство Гу Цзыцзю:

- А если я всё-таки стану великим злодеем?

- Убью тебя и продолжу жить своей жизнью.

- ...

[→_→ Хозяин, ты уверен, что и вправду... Забудь, я ничего не говорил. Меня здесь нет...]

Системный помощник уже собирался предпринять последнюю попытку сопротивления, как вдруг Гу Цзыцзю рассмеялся. Не своей притворной улыбкой – всё его существо излучало неподдельное счастье. Если уж подбирать слова, то он был прекрасен, словно цветы персика и сливы. Пусть банально, зато в точку.

Однако от этой ослепительной улыбки ядро системного помощника едва не зависло.

Какая добрая, ласковая улыбка! Мой хозяин и впрямь нормальный человек со здоровыми представлениями о жизни.

QAQ Я плачу от умиления.

Дуань Шаобо и без того немного тревожился, но не желал лгать старшему брату. Увидев, как Гу Цзыцзю смеётся, он растерялся ещё сильнее:

- Старший брат?

- Вот и хорошо, - Гу Цзыцзю снова потёрся о него щекой. - Вот таким я тебя и люблю.

Его младший соученик был несравненно прекрасен, мягок, честен и обладал непреклонной волей. Если любовь к Гу Цзыцзю изменит его натуру, разве останется он прежним Дуань Шаобо?

Лицо Дуань Шаобо стало горячим. Он потянул Гу Цзыцзю за руки, по-прежнему обнимавшие его за талию:

- Старший брат, дядя-наставник уже торопит нас. Пойдём.

- Хорошо.

Гу Цзыцзю понял, что тот смутился и, вероятно, тоже получил мысленное послание Ни Сяоцзиня. Но всё же ещё раз поцеловал его и сказал:

- Я не только не сотворю такого безумия - я ещё и спасу людей из пучины бедствий.

Лишь после этого он отпустил Дуань Шаобо.

Вдвоём они вернулись на небольшую площадь. Среди мастеров меча нашлось несколько шутников, принявшихся многозначительно подмигивать им и строить рожи. Однако все лишь добродушно поддразнивали их, а Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо держались совершенно невозмутимо. Поэтому никакого переполоха не случилось, и они спокойно вернулись к остальным.

Увидев их, Ни Сяоцзинь лишь кивнул и ничего не сказал. Вскоре прибыл Янь Чаоцзун, встречавший их в первый день, и снова пригласил всех на летающую лодку. Он доставил гостей к главному залу у горных врат секты Бурных Волн. Перед залом раскинулась огромная площадь, ныне сплошь заставленная низкими столиками.

Янь Чаоцзун поклонился Ни Сяоцзиню:

- Собрат Ни, впереди вас встретят старшие нашей секты Бурных Волн, поэтому я не стану

сопровождать вас внутрь. Однако о ваших товарищах по секте я непременно позабочусь как следует.

Это означало, что войти внутрь имел право лишь Ни Сяоцинъ, а Гу Цзыцзю и остальные – нет.

Однако Янь Чаоцзун обращался к Ни Сяоциню как к равному, но при этом заявил, что того встретят «старшие», тем самым беспричинно опустив Ни Сяоциня на целое поколение ниже.

Впрочем, Ни Сяоцинъ не придал этому значения. Он кивнул, отдал несколько распоряжений двум прибывшим с ним достопочтенным меча и один направился вперёд.

Остальных представителей секты Меча проводили на огромную площадь и рассадили по двое за каждый столик. Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, разумеется, сели вместе. Им и прежде не раз доводилось есть за одним столом. В конце концов, они больше ста лет путешествовали бок о бок, и для них было совершенно обыденным делом спать на одном ложе и купаться в одном пруду.

<http://bllate.org/book/19889/1985376>